

Цинь Хуань не выходил из дома, а лишь открыл ближайшее окно, наблюдая, как Чжао Цинфэн, держа в руках большой букет цветущих красных слив, уверенно шагает во двор.

Увидев, что Цинь Хуань стоит у окна, Чжао Цинфэн ускорил шаг и, подойдя ближе, протянул цветы:

— Возвращаясь, я увидел эти цветы, они так красиво распустились, и решил принести вам, чтобы освежить воздух в комнате.

Цинь Хуань улыбнулся, принимая цветы:

— Ты, грубиян, наверное, половину дерева срубил?

Чжао Цинфэн смущённо кашлянул. Он привык каждый раз, выходя из дворца, приносить что-то Цинь Хуаню. Но сегодня, выйдя из дома князя Цзи, он понял, что в праздники все лавки закрыты. Однако вернуться с пустыми руками ему было неловко, и, увидев у стены цветущие сливы, он срезал целую охапку, действительно оставив от дерева лишь половину.

Избегая этой неловкой темы, он вошёл в дом и увидел на столе Цинь Хуаня скромный обед. Чжао Цинфэн недовольно пробурчал:

— Как только меня нет, вы снова плохо едите.

— Это вовсе не плохо. После всех этих праздничных пиршеств я просто хотел чего-то лёгкого, чтобы освежиться. Цинь Хуань передал цветы Дэ До и сел за стол, наливая Чжао Цинфэну кашу.

Тот инстинктивно хотел взять ложку, но Цинь Хуань остановил его взглядом.

После недавнего спора о том, кто должен снимать плащ, Чжао Цинфэн не осмеливался спорить дальше и молча принял кашу.

Цинь Хуань, видя его смирение, понял, что Чжао Цинфэн не сможет есть только лёгкие блюда, и попросил слугу принести из кухни несколько мясных блюд, чтобы угостить его.

С тех пор как они установили связь с Ли Хуэем, жизнь Цинь Хуаня во дворце значительно улучшилась. Едва Чжао Цинфэн успел допить кашу, как новые блюда уже были поданы.

Чжао Цинфэн поспешил налить Цинь Хуаню суп с фрикадельками и, увидев, что тот начал есть, заговорил о сегодняшнем визите к князю Цзи:

— Вы были правы, он действительно хочет использовать меня против Хэ Уцина.

— Ты всегда притворяешься неспособным, поэтому он, конечно, не ожидает, что ты сможешь устранить его политических врагов. Цинь Хуань отпил несколько ложек супа и уже хотел положить палочки, но Чжао Цинфэн вовремя положил ему в тарелку кусочки маринованного мяса. Цинь Хуань с лёгкой улыбкой продолжил есть. — Но он не ожидает, что у такого грубияна, как ты, есть свои методы.

Чжао Цинфэн тоже засмеялся, продолжая класть еду в тарелку Цинь Хуаня:

— Вам нужно хорошо поесть, чтобы набраться сил для нашей ночной вылазки — убивать и грабить.

Если говорить о том, какое заведение в Столице Великого Спокойствия открывается раньше всех в праздники, то Башня Пьяного Края на востоке города определённо в числе первых.

Открывшись после третьего числа, от управляющего до слуг, все стоят наготове, чтобы заработать на щедрых чаевых от знати, которая выходит на праздничные гуляния.

В этот момент в Башне Пьяного Края царит оживление: звон бокалов, ароматы духов и шёпота, а снаружи даже кареты украшены драгоценностями, словно соревнуясь в роскоши.

В нескольких улицах от этого места, незаметная повозка бесшумно остановилась у заброшенного дома. Кучер, казалось, сильно мёрз, закрыв большую часть лица серой тканью, оставив лишь узкие глаза.

— Министр податей Цзян Юван, заместители Лу Ци и Чжао Хэмэн — эти трое каждый год четвёртого числа собираются в Башне Пьяного Края. Если говорить, что это просто дружеская встреча, то это тоже можно понять, — в повозке Цинь Хуань, прижавшись к Чжао Цинфэну, держал в руках маленькую грелку с узором из красных карпов, а тело его было укрыто толстым чёрным меховым одеялом. Даже в лютый мороз он слегка вспотел.

— Да, три жадных чиновника, собравшихся выпить и полюбоваться луной в праздники, — Чжао Цинфэн, прижав подбородок ко лбу Цинь Хуаня, приоткрыл окно, и прохладный ветерок слегка освежил его. — Какая трогательная дружба.

— Жадные чиновники не любят луну, они любят только своими счётными книгами, — Цинь Хуань усмехнулся. Хотя они и раньше подозревали, что в министерстве податей что-то нечисто, всё это было лишь догадками. Но недавно они получили сообщение от информатора Ли Хуэя из Яньчжоу, где говорилось о том, как местные чиновники в конце года сводят «личные счета» с министерством податей. Сопоставив эти факты, стало ясно, чем занимаются министр и его заместители каждый год в Башне Пьяного Края.

— Сейчас казна пуста, на юге четыре провинции страдают от засух и наводнений, народ живёт в нищете. Вспоминая данные из отчёта, Цинь Хуань постепенно терял улыбку, а грелка выпала из его рук. — А один заместитель министра, связанный с местными перевозками, получает десятки тысяч лянов серебра. Как они могли обманывать столько лет? Они заслуживают смерти!

— Они действительно заслуживают смерти, но вам не стоит так злиться, — Чжао Цинфэн успокаивающе похлопал его по спине, подняв грелку и вернув её Цинь Хуаню. — Сейчас самое время для мести. Скажите, с кого мы начнём сегодня? С министра Цзяна?

Цинь Хуань снова прижался к Чжао Цинфэну, глядя на узкую полоску луны в окне:

— Нет, из этих троих, хотя Цзян Юван занимает высший пост, Лу Ци — это тот, кто напрямую связан с местными чиновниками. Если говорить о деньгах, то он получает больше всех.

— Нам нужно не только доказать свою преданность князю Цзи, но и заставить их самих раскрыть грязные тайны министерства податей...

В этот момент снаружи сообщили, что Цзян Юван, Лу Ци и Чжао Хэмэн вышли из Башни Пьяного Края и разъехались в своих каретах.

— Тогда сделаем, как вы сказали. В эту тёмную ночь начнём с заместителя Лу, — Чжао Цинфэн махнул рукой в окно, и кучер, слегка хлопнув кнутом, направил повозку в глубь тёмного

переулка.

Лу Ци, шатаясь, поднялся в свою карету, его рука с огромным нефритовым кольцом продолжала ласкать счётную книгу. Хотя этот год был не таким удачным, как прошлый, 120 000 лянов серебра — это всё же приятная сумма. Лу Ци, думая о белых серебряных слитках, улыбался с отвратительным выражением на лице.

Глубокой ночью, в праздники, улицы были пустынные, и ни души не было видно. Ван Гуй, кучер Лу Ци, глядя на тёмный переулок, почувствовал лёгкую тревогу, но решил, что это просто от холода. Он взял флягу с вином и сделал несколько глотков, чтобы согреться.

Спустя мгновение Ван Гуй уже почувствовал лёгкое опьянение, и его удары кнутом по лошади стали сильнее. В этот момент он заметил, что у стены впереди, кажется, стоит человек. Сначала он не придавал этому значения, но, когда карета приблизилась, человек внезапно выскочил на дорогу.

— Кто это тут дорогу перекрывает? — проворчал Ван Гуй, но не стал останавливаться, решив, что, раз уж он пьян, то может и проехать. В конце концов, он уже не раз сбивал людей, и те, кто мешал ему, сами были виноваты.

Но когда карета была уже почти на человеке, тот внезапно исчез. Ван Гуй остановил кнут, глядя на пустую тьму, и вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Куда ты так спешишь, осторожнее! — из кареты раздался голос его хозяина.

Ван Гуй хотел ответить, но вдруг кто-то резко закрыл ему рот, и он потерял сознание.

Незаметно... застрял в писательском кризисе...

Ладно, впредь буду публиковать в два часа.

<http://bllate.org/book/16488/1498212>